

Издания Центра проблем развития образования
Белорусского государственного университета
www.charko.narod.ru
www.edc.bsu.by

УДК 378.1 : 159.9
ББК 74.58 У59

Психологическое образование: контексты развития

Альманах № 3

Серия «Университет в перспективе развития»

Белорусский государственный университет.
Центр проблем развития образования БГУ
Под ред. М.А. Гусаковского, А.А. Полонникова.
Мн.: Технопринт, 1999. - 168 с.

Рецензенты:

Н.И. Латыш, доктор философских наук, профессор;
Г.М. Кучинский, доктор психологических наук, профессор.

ISBN 985-6582-33-4

Альманах составлен на основе докладов, сделанных специалистами в области высшего образования на методологических семинарах и научно-практических конференциях в Белорусском и Московском государственных университетах в 1998-1999-х гг.

Содержание обсуждений затрагивает проблемы целей и ценностей университетского психологического образования и способы их обеспечения как актуальные проблемы современной высшей школы в ситуации динамизации социокультурных отношений.

Данное издание предназначено для преподавателей высшей школы, ученых, аспирантов, магистрантов, слушателей курсов повышения квалификации, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (с. 5)

ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ИДЕИ К КОНЦЕПЦИИ

Полонников А.А. Динамика психологической реальности и процесс психологического образования (с. 7)

Краснова Т.И. Игровое сознание как необходимое условие погружения в практику (с.24)

Забирко А.А. Возможность многомерного профессионального сознания и самоопределение психолога в современной ситуации (с. 34)

Корбут А.М. Кризис идентичности - кризис знания - кризис образования (с.42)

Краснов Ю.Э. Оппозиция познавательной (естественнонаучной) и мыследеятельностной (психотехнической) рациональности в психологии (Материалы к разработке психологии как практико-ориентированной гуманитарной науки проектно-программного типа) (с. 55)

[Васильюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории \(с. 73\)](#)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ОПЫТ И РЕФЛЕКСИЯ

[Сосланд А.И. Психотерапевтический текст \(с.83\)](#)

[Слепович Е.С. Некоторые проблемы подготовки будущих психологов к работе с детьми, имеющими отклонения в развитии \(с.95\)](#)

[Кремер Е.З. Вольный семинар "образование психолога" \(замысел и первый шаг работы\) \(с. 97\)](#)

[Харин С.С., Вильтовская Я.И. Модель конструирования профессионально-личностного гештальта у студентов вузов \(с.103\)](#)

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ И СЕМИНАРОВ

[Алексеев Н.Г. К проблеме содержания психологического образования. \(с.109\)](#)

[Розин В.М. Философия образования и педагогическое знание. \(с.111\)](#)

[Слободчиков В.И. Парадигмы развития современной психологии и образования.\(с. 120\)](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Забирко А.А., Корбут А.М., Краснов Ю.Э., Полонников А.А. Образование психологов в современном социокультурном контексте. Контурь модели практико-ориентированного психологического образования \(с.146\)](#)

[Забирко А.А., Корбут А.М., Кирилук Л.Г., Краснов Ю.Э., Полонников А.А. Психологическое образование: ситуационный анализ \(опыт многопозиционной экспертизы\) \(с.154\)](#)

[Альманах № 4](#)

***ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ САЙТА
ССЫЛКА НА САЙТ ОБЯЗАТЕЛЬНА!***

Возможность многомерного профессионального сознания и самоопределение психолога в современной ситуации

Забирко Александр Алексеевич, студент отделения психологии факультета философии и социальных наук БГУ.

1. Специфичность современной ситуации человека

Обсуждая феномен самоопределения, мы хотим обосновать его ценность. Исходной в этой связи будет интерпретация нашей позиции в постмодерных характеристиках. Обозначим их.

Во-первых, это кризис идеи универсализма: нормативно-ценностных систем знания, способов и стратегий познания с установкой на единую истину и универсальное, объективное, достоверное знание. Тем самым фиксируется исчерпанность идеологии рационализма Нового Времени, в частности, его идея универсальной науки как всезнающей, совершенной.

Уже Гуссерль, обсуждая "кризис европейского существования", указывает на кризис рационализма, под которым понимает тотальное стремление к объективности [1,126]. В частности, в психологии пафос естественнаучности, объективности, универсализма снимается уже тогда, когда мы узнаём о возможности существования многочисленных легитимных подходов, теорий (с разной методологией и философией), что превращает её (науку!) в перечень субъективных (принадлежащих отдельным традициям, направлениям, людям и выполненным по разным правилам) интерпретаций психического.

Во-вторых, современная ситуация неоднозначна мировоззренчески, "нет никакого готового и завершённого мира (предметной области), который затем отображался бы знанием. Мир представляет собой "хаосмос", который многообразно до-определяется до "космоса" посредством наших интерпретаций. Любое знание как образ того, что есть "на самом деле", - это локальный фантазм наряду со множеством равноправных ему других дискурсов" [2,242].

В-третьих, всё очевиднее иллюзорность мысли, что человеку разумному подвластны все происходящие в мире процессы. Отчуждение "второй природы" достигло апогея: меняется климат, разрушаются экосистемы, человеку всё труднее справляться с болезнями, эрозией почв, другими последствиями своей деятельности.

В то же время, лавинообразно нарастает разнообразие культурных продуктов, в которых необходимо ориентироваться и использовать для своих целей. Кроме того, всё динамичнее и неопределеннее жизнь общества и, следовательно, та ситуация, в которой обнаруживает себя человек.

Характерными чертами современности, таким образом, выступает потеря стабильности, детрадиционализация. Р.Барнетт, например, описывая современную ситуацию, использует понятия непредсказуемости, неопределённости, спорности, сомнительности, называя их "созвездием хрупкости мира" [3,3].

В белорусском культурном пространстве продолжающаяся смена общественно-экономического и политического устройства ещё более "обостряет" ощущение неопределённости.

Жизненная ситуация человека при этом начинает описываться как утрата ответов на вопросы: что происходит? как жить? что делать? В этих вопрошаниях обнаруживает себя кризис систем ориентации в мире.

Кризис систем ориентации современного человека существенно осложняет и профессиональную деятельность психолога, поскольку дезориентация касается и его личностного самоощущения и его профессионализма. Если кризис способов понимания мира, жизни, себя человеком, кризис жизненных смыслов помыслить как землетрясение, то смещению, искажению неизбежно подвергаются и профессиональные ориентиры; они меняют свою значимость - из основополагающих, незыблемых, верных становятся хрупкими,

относительными, частичными, поверхностными.

В таких условиях всё большее пространство фактов, явлений окружающей жизни, феноменов внутреннего мира и их оснований психолог должен осмыслить заново; выработать правила такого осмысления и действия, поскольку сложившаяся профессиональная нормативность сильно расшатана гипотетическим катаклизмом.

Но эта глубинная рефлексивная работа весьма затруднительна для "ортодоксального" профессионала. Почему? Попробуем сконструировать ответ.

2. Возможность профессиональной самоструктуризации психолога

Картина "первичной" психологической реальности формируется и оформляется психологом, прежде всего, на основе механизмов веры — нерефлектируемых допущений, которые являются базовым средством упорядочивания окружающего мира, а, следовательно, и условием любой профессиональной активности (подробнее см. в сборнике статью А.А. Полонникова "Динамика психологической реальности и процесс психологического образования"). В деятельности психолога, пожалуй, как в никакой другой, система первичных представлений о предмете зависит от его "структур повседневности", которые и формируют его первичную аксиоматику. Для нас здесь важно то, что с помощью веры профессионал-психолог вступает в особые отношения со знанием, которое добывается и структурируется в зависимости от этих исходных "верных" аксиом. Вера, таким образом, является имманентным средством конструирования системы содержаний профессионального сознания психолога, создаёт первые точки определённости, опоры. Лишь на основе этих первичных представлений о психологической реальности, психолог создает картину психологического мира. Знания становятся особо значимыми, ценностно нагруженными для их носителя, они включаются в качестве элементов в структуру личностной идентичности. Наличие адекватных структур обеспечивает также усвоение, ассимиляцию определенных представлений в образовании.

Подобного рода ассимиляция, присвоение знания обосновывается убеждением в константности мира, его стабильности, очевидности, однозначности, предопределённости. Человек испытывает доверие, открытость такому миру, "впускает", "принимает" его в себя, одновременно с этим "растворяясь", "исчезая" в его данностях. Внутреннее Я перестаёт быть активным как самостоятельно конструирующее свою цельность. Бытие мира становится, по существу, независимым, автономным от сознательной воли субъекта, мир самоорганизуется и самоструктурируется по собственным законам и условиям. Активность человека вольно — невольно становится пассивно познавательной, исследующей независимые от индивида данности (объекты). Появляется феномен откровения бытия как самораскрытия, самообнаружения Истины, Абсолюта.

Такие ориентиры, распознаваясь как внешние, содержание которых не зависит от усилий воспринимающего сознания, задают, предопределяют смысл всего сущего, в том числе, и самого человека. Мир заполнен и в этом смысле онтологичен, а человек, будучи его частью, должен познавать его смысл. Точнее, рас — познавать и вос — принимать (в себя). Познавание, понимаемое подобным образом, служит нахождению смыслов сущего, а в особенности себя как сущего, т. е. тех точек определённости, внешних опор, которые позволяют субъекту структурироваться, быть смыслосообразно активным. Так символизированные психологическим субъектом образы внешнего мира ин-формируют целостность Я, которое направляет свою активность не на проект себя в будущем, а на восприятие и категоризацию настоящего; будущее ощущается как ещё (всегда) не наступившее настоящее.

Таким образом, базовая вера в вечное бытие однородного, законосообразного, упорядоченного мира порождает особую психологическую ценность знания, которое наделяет бытие индивида смыслом. Возвращаясь к позабытому нами "ортодоксальному" психологу-профессионалу, скажем, что и его психологическое знание онтологизируется и включается в структуру идентичности, либо соотносится с ней. Естественно, что каждый компонент такой структуры ценностно нагружен и личностно значим. Оформляется самоидентификационный образ профессионала, используемый теперь как универсальный нормативный эталон. Всякая деятельность других, претендующая на статус психологической, воспринимается и оценивается, исходя из имеющегося эталона (читать — себя). Другие верные основания, а значит и профессиональные эталоны, осознаются как неадекватные миру, деструктивные. Сегодня на содержательную идентичность (назовём её так), оказывается

сильное внешнее давление, что требует реорганизации структур сложившейся профессиональной идентичности или, по крайней мере, рефлексивного отношения к ней. Субъект оказывается перед собственной верой как проблемой, что нельзя не считать экстраординарным. Тем самым, иницируются защитные механизмы, слабо связанные с профессиональной целесообразностью. В результате, любая ситуация, в которой имеется вероятность давления на идентичность (т.е. вероятность её деформации), расценивается как угрожающая, вызывает эмоциональное напряжение, тревогу и страх, либо агрессию. Угроза здесь связана с тотальной релятивизацией или неадекватностью имеющейся системы знаний, что влечёт ценностно-смысловую дезориентацию, а, следовательно, деструктуризацию самости. При этом, защитные реакции аналогичны реакциям, возникающим при угрозе нарушения целостности физического тела.

Дальнейшее погружение в эту тематику уведёт нас в сторону от проблемы самоопределения. Здесь же важно отметить, что такой способ организации идентичности не позволяет психологу безболезненно осуществлять смыслопорождение в новой кризисной ситуации, проблематизирующей любую веру, воспринимаемую как абсолютную и универсальную. Оказывается практически невозможным разнокачественно ситуационно символизировать системы феноменов, а значит, создавать ситуационную идентичность, от лица которой и выстраивается деятельность. Мы уже не говорим о том множестве эмоциональных напряжений, которые переживаются при обсуждении профессиональных проблем. Оппонент в самом безобидном случае воспринимается как попирающий чувство собственного достоинства, что переживается болезненно и тяжело... Велик риск тотального отказа от любого совместного со - держательного движения.

Воссоздание образа новой ситуации человека, осуществленное нами в начале текста, делает возможным оценку ортодоксального профессионала как неадекватного ей. Кризис систем ориентаций требует расширения рамок профессионального сознания за счет включения в него некоторых новых метадисциплинарных позиций. Сегодня уже недостаточно узнавать феномен, соотнося его с индивидуально или коллективно накопленным опытом, превращённым в научно структурированное психологическое знание. Профессионализм начинает выстраиваться не на оси взаимодействия Я и знания, а в пространстве Я и существования, в котором возможно расщепление отношения к Я как источнику активности субъекта.

Критерием профессиональности становится владение особыми интеллектуальными средствами по порождению такого пространства. Исходное условие, с нашей точки зрения, здесь локализуется в модусе понимания как активного акта, в котором происходит процесс образования, ин-формирования (различение и принятие субъектом той или иной формы). Акту понимания как способности к децентрации и порождению пространства отношения к самому себе предшествует фигура другого. Другой, с помощью системы правил, корректирует, упорядочивает активность субъекта, удерживает её в рамках определённого целого, ценностей и смыслов, оценивает, порождает значимые цели и установки, а, следовательно, задаёт вектор трансформации идентичности. Я переструктурирует себя под влиянием внешне задаваемого эталона, что можно назвать "совместным профессионализмом", поскольку контролирующая, управляющая инстанция в этом акте существует как внешняя. При актуализации обнаруживаемых ценностей, установок, способов символизации, схем интерпретации, другой нормативной активности в целом, становится возможным присвоение этой инстанции и действие под её, уже внутренним, контролем. Появляется средство самоструктуризации, о котором мы уже упоминали выше, а переструктурированное Я упорядочивает, проясняет ситуацию.

Но такое средство порождено другим, в его обстоятельствах, на основе его осмысления этих обстоятельств и не вполне правомерно простое копирование чужого образа на свою, всегда уникальную, ситуацию. Важным становится освоение процесса понимания, о котором говорилось выше (вначале демонстрируемого другим). Вот как обсуждает понимание подобного рода в психотерапии Ролло Мей: "...действие постижения тоже требует способности породить что-то в самом себе. Если человек не может или по какой-то причине ещё не готов создать в себе определённую позицию, установку по отношению к тому, что он видит, то он не может постичь то, что видит" [4,256].

Итак, способность к такому постижению Другого обеспечивает появление неких смысловых точек, которые далее мы будем называть позициями. Признанная компетентной в

определенной ситуации, такая позиция задаёт определённую, направленность активности, обосновывает её. Возникает ситуативная идентичность психолога-профессионала, отождествляющего свое Я с нормативно заданной позицией. Профессионализм, в общем смысле, соотносится со способностью ситуационного упорядочивания и порождения управляющей инстанции, обоснованной максимально широкими ценностно-смысловыми контекстами. С профессиональной идентичностью соотносится и тот процесс понимания, о котором мы упоминали выше. Причём, он мыслится нами как разнонаправленный, объекты которого условно помечаются как "другой" и как "ситуация". В первом случае оформляется деятельностьная позиция, во втором -- смысловая. Деятельностная позиция характеризуется общим методическим, методологическим, понятийным аппаратом, совокупностью определённых установок, набором правил профессиональной деятельности. Возникающие отношения такой позиции с инстанцией "Я" рассматриваются в данном сборнике в статье А.М. Корбута "Кризис идентичности -- кризис знания - кризис образования". Нас больше интересует иная, ортогональная траектория процесса понимания, порождающего смысловые позиции. Они обосновывают определённую деятельностьных позиций. Порождение смысловых позиций связано с обнаружением себя в разных смыслопорождающих контекстах, сферах. Такие условия самообнаружения можно назвать ситуацией. Имеется в виду некоторый набор феноменов, который может символизироваться и осмысливаться по-разному, структурируясь в системы, имеющие различный содержательный объём. Это формирует уровни самообнаружения и самоопределения психолога-профессионала, где каждый предшествующий элемент задаёт определённую вышеследующему. Выделение определённого уровня, в котором возможно смыслопорождение, направленность процесса понимания (особенностей которого мы касались выше) на себя как на источник порождения смыслов, оформляет соответствующую позицию. Последняя упорядочивает, проясняет, определяет специфику ситуационного понимания, интерпретации, деятельности, задаёт соответствующую ситуационную идентичность психолога.

Таким образом, возникает некий образ ситуационного полипозиционного профессионального сознания психолога. (Точнее, и полиситуационного, поскольку каждая позиция появляется и оформляет "свою" ситуацию, "своими" смыслами дополняет и обосновывает профессиональную символизацию обнаруженных условий.) Этот образ приобретает смысл как попытка ответа на проблему профессионального психологического самоопределения. Попробуем обозначить некоторые важные, с нашей точки зрения, условия, установки, способствующие описываемому процессу. Начало такого движения -- деконструкция базовой веры в константность, законосообразность мира, разрушение его ясности, очевидности, установка на восприятие мира как выбора, а на себя как на источник порождения смыслов.

Психологические знания начинают рассматриваться не как знаково-символические модели, соответствующие истинной природе мира, а как конструкты, зависящие от порождающей деятельности человеческого сознания, обретающие смысл в определённой ситуации и для конкретного автора. Ценностью становится не накопление знания, а его конструирование. Разрушается представление о существовании универсального образца профессиональной деятельности, который можно актуализировать в нужный момент. Любая профессиональная ситуация уникальна. В ней определяются специфические уровни, сферы смыслопорождающих контекстов самообнаружения, с учётом чего иерархизируется ценностно-мотивационная сфера, конструируются смысловые точки, обосновывающие профессиональную активность, выдвигаются установки, цели и задачи по профессиональному преобразованию ситуации.

Понятно, что такая ментальная активность должна совершаться циклически, -- не может быть самоопределившегося субъекта, но есть только самоопределяющийся. Фокус внимания при проектировании такого процесса переносится с конкретных тематических содержаний, удерживаемых профессиональным сознанием, на способность к актуализации и конструированию содержаний, действующих в определённых обстоятельствах. Точнее говоря, предмет рассмотрения -- не нормативные психологические знания, а структура профессионального сознания, ответственная за выстраивание последовательных операций и построение системно-ситуационной символической структуры.

Более того, меняется и способ самоструктуризации, где с инстанцией "Я" отождествляются не тематически организованные знания, а способности по обозначению и ограничению

смысло- и целесообразности таких знаний конкретными обстоятельствами, а также способности по удержанию разных смысловых позиций, корректирующих и определяющих деятельностные позиции, профессионально преобразующие заданные обстоятельства.

3. Контуры многопозиционного самоопределения психолога-профессионала

Возвращаясь к теме самоопределения, попробуем последовательно обозначить позиции, оформляющиеся в разных сферах смыслопорождения. Их рассмотрение представляется наиболее удобным в соотношении с психотерапевтической функцией психолога. Обозначим эти позиции в виде некоторой иерархии.

1. Смысловая позиция, ограниченная рамками одного выбранного подхода, направления, (несколько ниже появление такой позиции будет рассмотрено как результат супервизии, проводимой в психоаналитической традиции). Деятельностная позиция структурируется в соответствии с существующим здесь представлением о норме и патологии, правилами понимания клиента, интерпретациями его проблемы, применяющимися психотехниками, способами работы с реактивными состояниями психотерапевта при взаимодействии и т. д. В ситуации данного подхода, порождаемой его степенями свободы, смысловая позиция позволяет выработать (с учётом существующей здесь нормативности и особенностей собственного видения и реагирования) оптимальную стратегию интерпретации и психотехнических воздействий.

2. Смысловая позиция, условно обозначаемая здесь как метапсихотерапевтическая. Деятельностная позиция структурируется на основе выбора из существующих в психотерапии стратегий помощи личности. Из этой позиции видна ограниченность каждого из подходов, их способность решать лишь определенный круг задач. Целью метапсихотерапевтической позиции является сопоставление возможностей традиций психотерапии и выбор наиболее приемлемой стратегии для себя как для уникального субъекта в данных специфических обстоятельствах.

3. Смысловая позиция, которую можно назвать метажуманистической (метадисциплинарной). Деятельностная позиция корректируется, исходя из выбранного режима взаимодействия с партнером. Здесь предполагается различение таких сфер как психотерапевтическая и педагогическая, социально-психологическая, социологическая и иных. Предполагается конструирование ответа о сущности каждой из них, целях и методах взаимодействия, о решаемых социальных задачах. И обоснование выбора определённой гуманитарной практики в заданных конкретных условиях.

4. Смысловая позиция, названная позицией социокультурного аналитика. Эта позиция проясняет базовые, мировоззренческие основания той или иной профессиональной практики. В рамках каждой из них становится возможным сформулировать значения таких категорий как культура, человек, развитие, смысл бытия и другие. Позиция социокультурного аналитика позволяет предельно обосновывать эффективность, валидность, адекватность определённого поведения и мышления в конкретной ситуации. В принципе, вся культура начинает рассматриваться как совокупность некоторых целостностей -- символических систем, объясняющих и преобразующих действительность, способных быть осмысленными в категориях мировоззренческого уровня.

Применительно к данной проблематике психологического профессионализма группой авторов была предложена особая целостность -- "практика". Под "практикой" понимается авторский ответ на свою уникальную ситуацию, опыт, прецедент профессионального мышления и действия. Практика структурирует не только узкоспециализированную ситуацию, но и ситуацию антропологического, этического, религиозного порядка (подробнее см. [5]; [6]). Позиция социокультурного аналитика, как смысловая в собственных обстоятельствах, распознаёт уникальность этих ситуаций и диктует необходимость многоуровневого профессионального самоопределения. Эту задачу может обеспечить восхождение по указанным смысловым позициям и конституирование собственного профессионализма как целостной авторской практики.

4. Супервизорская позиция в классической психоаналитической модели

Рассмотрим пример выработки управляющей инстанции (позиции) в психоаналитической супервизии. (В нашей схеме она соответствует первой смысловой позиции.)

Супервизия — это образовательная процедура, представляющая собой диалог и

сотрудничество стажёра и терапевта по поводу психотерапевтической ситуации.

Первая модель супервизии, описанная в литературе, - это лечение Фрейдом пятилетнего мальчика, "Маленького Ганса", настоящее имя которого Герберт Граф. Лечение проводилось через его отца, Макса Графа, которого Фрейд периодически консультировал.

Традиционно, цель супервизора — в повышении профессионального уровня психотерапевта, углублении самосознания, понимания искусства психотерапии, формировании профессиональной индивидуальности и положительной устойчивой самооценки. Для этого супервизор помогает взглянуть на проблемы по-новому, дистанцироваться от них. А также, смоделировать стратегию профессионального поведения, совместимую с личностным типом. При этом, супервизор способствует построению новых значений, которые впоследствии дополняются, корректируются в коммуникации по поводу психотерапевтической ситуации. Здесь преподавание ставит следующие цели: умение комбинировать, экспериментировать с новыми моделями, проводить "теоретические рокировки", менять способы мышления и воздерживаться от критики и цензуры [7]. Но всё это ограничивается определённым видением психологической реальности, представлением о норме и патологии, пониманием человеческой психики, техникой терапевтического воздействия, существующими в рамках психоаналитической традиции, представителем которой является супервизор. "Общая цель супервизии: повысить способность стажёра понимать своё взаимодействие с клиентом... цель супервизора - понять как личность именно этого пациента, конфликты и акты переноса выражены во взаимодействии именно с этим терапевтом и как последний взаимодействует с пациентом и реагирует на него" [8, 137-138]. У другого автора читаем: "стажёр должен выходить за пределы той системы взаимодействия, которая сложилась у него с пациентом, наблюдать и понимать её. Непрерывно направляя своё внимание на взаимодействие с пациентом, супервизор ...помогает стажёру выйти за рамки своей системы (понимания и интерпретации -- А. З.) и наблюдать её" [9, 141].

Таким образом, для стажёра необходима выработка рефлексивной установки или позиции внутреннего наблюдателя/внутреннего супервизора [9, 43-47]. Анализу подвергается не только сознание, но и формы мышления психотерапевта. В соответствии с результатами рефлексии формируются аутентичные стратегии профессионального воздействия.

Приведённые выше суждения, конечно, фрагментарно описывают супервизорские эффекты, но автор позволяет себе предположить, что в супервизии формируется внутренняя рефлексивная инстанция, корректирующая, направляющая с учётом психоаналитических правил активность психотерапевта. Супервизорскую позицию, таким образом, можно разбирать как пример появления первой смысловой позиции, обеспечивающей самоопределение в рамках психоаналитической традиции.

Текст только начал обнажать проблематику самоопределения и самоопределяющегося профессионального сознания. Прояснение, развитие, схематизация разрабатываемых здесь содержаний, возможность реального формирования процессов самоопределения -- таковы, в общем виде, приоритеты для нашего дальнейшего движения.

Литература

1. Гуссерль Э. Кризис европейского существования и философия. В книге: Философия как строгая наука. Пер. с нем.-- Новочеркасск, 1994.—357 с.
2. Фурс В.Н. Эпистемологические импликации постмодерной кондиции - новые ориентиры образования?// БГУ: университетское образование в условиях смены образовательных парадигм Сб. материалов научно-практической конференции. - Мн.: Изд-во БГУ, 1997. - С.238-243
3. Barnett R. Realising the University. Institute of Education. University of London 1997.
4. Мей Р. Любовь и воля. Пер. с англ.-- М.: "Рефл-бук"; К.: "Ваклер", 1997.-384с.
5. Забирко А.А., Корбут А.М., Краснов Ю.Э., Полонников А.А. Контуры модели практикоориентированного психологического образования // Психология.—1998, N 4, с. 77 - 88.
6. Забирко А.А., Корбут А.М., Краснов Ю.Э., Полонников А.А. Образование психологов в современном социокультурном контексте // Развивающаяся психология -- основа гуманизации образования. Сб. мат. Первой Всероссийской научно-методической конференции. — М.: Российское психологическое об-во, 1998. С 78-79.
7. Джейкобс Д., Дэвид П., Мейер Д.Дж Супервизорство. -- СПб., 1997. -- 235с.

8. Шекеди И., Кехели Х., Дрейер К. Супервизия - сложный инструмент психоаналитической подготовки.// Московский психотерапевтический журнал. – 1994, N 4, С. -- 117-147.

9. Кейсмент П. Обучаясь у пациента. Пер. с англ.-- Воронеж: НПО"МОДЭК", 1995.—256 с.

